

ЗДРАВСТВУЙ, ДРУЖОК-ПИРОЖОК!

Володя Науменков работал в секретариате "Камчатской правды", приходил в редакцию задолго до остальных сотрудников - сбрасывать заявки от отделов на ближайшие номера. Появление его в моем отделе всегда обставлялось одинаково. Тихонько приоткрывалась дверь, просовывалась в проем буйная лохматая голова, настороженный деликатный глаз словно бы нащупывал настроение того, к кому пришел. И, встретив улыбку, взрывался радостным приветствием: "Здравствуй, дружок-пирожок! Что будем планировать?"

Считалось, что в редакции он как бы опальный, не от мира сего, "чудик" местного масштаба, но, главное, не опасный. В этом причина снисходительного, порой пренебрежительного отношения к нему некоторых мастих бонз-журналистов. Науменков выпадал из привычного ряда буквально во всем: нечесаный, в стоптанных башмаках, в единственном заношенном костюме. Речь путаная, не всегда поймешь что говорит, но с притягательной искрой.

Послушать его на летучку по двухнедельному обзору "КП" набивалась в кабинет редактора вся газетная братва, а с нею корректоры, машинистки и уборщица. Знали: вот сейчас Наумыч "что-то отмочит", и можно посмеяться, а потом отдельные его ремарки пустить по редакционным кабинетам как анекдоты. Странное дело, он всегда на удивление точно ставил акцент на творчестве каждого журналиста. Оценивая репортаж с посевной сотрудника сельхозотдела, начинал так: "Задыхаясь от оптимизма, ну и прочее такое, Иван нарисовал читателям быт, как живут и что делают в эту страду... ну, те, которых именуют "труженики полей".

С тех пор что бы этот корреспондент ни нес в секретариат, по пути каждый встречный осведомлялся: "Несешь, задыхаясь от оптимизма, огненные строчки?"

С Володей Науменковым опасались ввязываться в спор, особенно, если предметом была российская история, ее личности. Тут он мог быть буйным - его энциклопедические познания оскорбляли невежество, прилизительность суждений, высокомерный апломб и попытки положить на лопатки оппонента догматической фразой. Володя срывался с кресла, выхватывал из шкафа нужный фолиант, раскрывал, цитировал, приводил по памяти источники. И в конце концов сам укладывал спорящего с ним на лопатки.

Знаменитый его шкаф с личной литературой, принесенной из дома, лучше всего говорил о своем хозяине: Ключевский, Соловьев, дореволюционные монографии забытых теперь авторов; история российского и зарубежного зодчества; труды по искусству, географическим открытиям. И масса сборников поэтических, в числе которых Катулл (древнеримский лирик), предмет зависти пары "гурманов". Это был мир Науменкова, многим непонятный. После его смерти шкаф пылился, книг никто не разобрал, и они остались в кабинете частью охранной души Поэта.

Володя жил как бы с содранной кожей - предельно уязвимый, начисто лишенный дипломатии, житейской мудрости, наивный и простой при этом, как русский пряник.

Но он был горд, неподл и мог до конца полюбить человека за доброе слово в свою поддержку.

В те годы, когда демократия еще только прокладывала себе путь, порой сбиваясь на уродливые формы, честолюбивцы в "КП" мечтали завладеть редакторским креслом. Люди сбивались в группы и группки, каждая вербовала голоса в надежде перетянуть канат. Я стала свидете-

лем такой вербовки Володи, вернее, ее попытки. Его уговаривали выступить против тогдашнего начальника, давнего друга Наумыча еще по "Камчатскому комсомольцу". Науменков, как всегда неуклюже, но твердо, с гордостью и достоинством, отказался, причем примерно в такой форме: "Это как бы марать руки? Это... ударить человека ножом. Этостыдно, низко!" И - порвал бюллетень. Агитаторы стыдливо разошлись. С тех пор Наумыча никто за пиджак не дергал. Он голосовал как считал нужным.

Человека, как это ни парадоксально, лучше всего знают и оценивают не в собственном коллективе, а посторонние. В кабинете Володи, сколько помню, все время толпилось много разного люда, особенно морской профессии. Туда было не войти: завеса от "Беломора", словно газовая атака, вышибала всех, кто вступал на порог. Поэтому ретировались в "предбанник", друг у друга спрашивая: "У Наумыча что - авторы, поэты?" Знающие отвечали: "Друзья с морем вернулись, пришли навестить".

Навещали его с подарками, они потом показывали и жутко гордились. Дарили ему калькуляторы невиданных форм и конструкций, часы, множество дорогих ручек... Ручек у него всегда было непомерно, он ими дожил и никому не передаривал. Все это добро, когда он уходил на рынок перекусить обеденным пирожком и купить стакан семечек, оставалось бесхозным, естественно, кем-то утаивалось, и Володю это повергало в горестное уныние: "Понимаешь, дружок-пирожок, куда-то делись "Паркер" и калькулятор. Я понимаю, кто-то взял по ошибке, ну статью там визировал или вычитывал... В общем, наверное, завтра вернут. А?"

Наивный, чистый, как слеза,

любимый и неприкаянный сын камчатской земли.

Незадолго до смерти мы с ребятами - Валентином Пустовитом, Игорем Рычковым, не помню еще с кем, в больнице свиделись с Володей. Лежали с ним в палате еще три мужика, немолодых, измученных болезнью и побитых жизнью. И - он, четвертый, абсолютно седой, с бородой, уже неузнаваемый. Я подумала, что попали не туда. И тут он приподнялся, с трудом заговорил, и глаз, живой, науменковский, с уже тускнеющей искоркой, улыбнулся: "Дружок-пирожок, спасибо, что пришли".

Палатники нас за Наумыча сразу зауважали, расчистили от лекарств единственный стул, пригласили садиться. И с час длилась беседа, где Наумыч вел первую скрипку. Накануне его буквально лишила последних сил показанная поциальному ТВ передача о нарождающемся фашизме в России. Чувствовалось, что он уже на эту тему высказался эмоционально. И больные внимали ему с благоговением и любовью, и той же почтительностью они одаривали нас как его друзей.

Потом пришла медсестра делать уколы, мы распрошались, обнялись, сговорившись о новой встрече.

Встретиться не довелось. ...Я не помню, чтобы кого-то другого хоронили так, как его. Кто его при жизни обижал - принадлежал раскаивались, просили прощения. Кто не знал лично, а пришел просто так, за компанию, поглязеть - были ошарашены: "А что он сделал, почему такая честь?"

Да ничего такого не сделал, просто был Человеком, не подличал, жил, как святой, чуждался мирских благ. И, как вириги, носят, носил раскаяние за других. Но смертной его славе многие тогда позавидовали. Павел Мамась, бывший редактор "Камчатского комсомольца", сказал мне на кладбище: "Нас так не похоронят".

Нелли БЕРКАЛОВА